

Вступительная статья

Федор Степун: хранитель высших смыслов, или Сквозь катастрофы XX века

Начнем, пожалуй, с банальности, но постараемся пояснить ее. Значение человека, как известно, окончательно формируется и осознается только после его смерти. И не всегда сразу. Причин запаздывания много. Скажем, Шекспир был весьма известен при жизни, а потом прочно забыт на 200 лет, пока не был снова открыт Гете, с этого момента благодаря многочисленным толкованиям значение его выросло до реальных размеров его гения. Михаил Булгаков был полузапретен, а главное его произведение не напечатано. Лишь по выходе «Мастера и Маргариты» начал складываться его образ, приобретать очертания. Значение больших русских философов-эмигрантов было на их Родине понятно немногим. Как с грустью писал поэт Наум Коржавин о зарубежных русских мыслителях:

Не спасались — спасали,
Хоть открыли немало.
Были знанием России,
А Россия не знала.

Но как только преграды упали, это знание стало доступно сравнительно широкому кругу интеллектуалов, немалую роль в этом сыграла серия «Из истории отечественной философской мысли», издававшаяся с конца

1980-х гг. по начало нынешнего века журналом «Вопросы философии». Открытие продолжается. Скажем, фигура Густава Шпета обретает подлинный контур с выходом каждого очередного тома, издаваемого Т. Г. Щедриной. Имена философов попали даже в массмедиа. Хорошо это или плохо, обсуждать не будем.

Федор Августович Степун (1884–1965) оказался в особом положении. Входивший в круг литературно-философской элиты Русского Зарубежья, друживший с Г. П. Федотовым, И. И. Бунаковым-Фондаминским, Д. И. Чижевским, С. Л. Франком, И. А. Буниным, Б. К. Зайцевым и т. д., тем не менее он был, что называется, аутсайдером, человеком на обинку. Его известность была велика, но — в Германии. Своим пребыванием в этой стране он невольно отодвигал себя от парижской и американской русской эмиграции. К тому же он был профессором настоящих немецких учебных заведений, а не самодельных русских институтов. В этом смысле его судьба отчасти схожа с судьбой Чижевского, тоже эмигранта, тоже немецкого профессора, который тоже лишь недавно начинает возвращаться на изгнавшую его Родину. Последние 30 лет своей жизни Степун выпускал книги своих историософских и культурологических текстов прежде всего на немецком языке*. Молодое поколение эмиграции, удивляясь, «почему хорошо известный не только старшему поколению русской эмиграции, но и немецкому культурному миру писатель, философ и социолог Степун остался в стороне от более или менее всемирной известности», полагало, что причина в «культурной изоляции от остального мира Германии, в которой после высылки из Советской России обосновался... Ф. А. Степун»**. Став в глазах

* Theater und Kino. Berlin: Bünen Volksbund Verlag, 1932; Das Anlitz Russlands und das esicht der Revolution. Berlin/Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934; Der Bolschewismus und die christliche Existenz. Munchen: Kosel Verlag, 1959 (Zweite Erweiterte Auflage: Munchen: Kosel Verlag, 1962); Dostoewskij und Tolstoj: Christentum und soziale Revolution. Munchen: C. Hanser, 1961; Mystische Weltschau. Funf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. Munchen: Carl Hanser Verlag, 1964.

** Полторацкий Н. Философ-артист // Возрождение. 1951. № 16. С. 174.

многих знаменитым немецким писателем, «равным по рангу таким духовным выразителям эпохи, как “соразмерные” ему Пауль Тиллих, Мартин Бубер, Романо Гвардини, Пауль Хекер и др.»*, он писал прежде всего о России, *немецкий* опыт был также его постоянной проблемой, хотя в постоянном контексте его российского опыта.

Интересный феномен, чем больше и ближе мы узнаем наследие человека, то возможны два варианта: первый — он отвлечет нас от себя и второй — фигура его вырастет до соответствующих размеров. Издание в России последние 10–12 лет книг Степуна показывает, что интерес к нему растет, и сам он становится влиятельной фигурой русской мысли (см. библиографию в конце тома). Но значение его, уровень его мы только еще начинаем осознавать, а идеи осваивать. Если, скажем, немецкие коллеги видят его в одном ряду с Тиллихом, пишут об этом статьи, то в нашем восприятии он либо кантианец, либо славянофил, либо западник. Между тем самостоятельность его мысли не укладывается в наши привычные клише. И давно уже пора писать работы, сравнивающие его и с Тиллихом, и с Гвардини, и с Бердяевым, и с Федотовым, и с другими равновеликими фигурами.

Любопытна обратная связь. Интерес к Степуну в России** вернул интерес к нему в Германии. Проводятся конференции, вышла не так давно его книга — «Russische Demokratie als Projekt. Schriften im Exil 1924–1936» (Berlin: Basisdruck, 2004. 301 S.). Готовится в Дрездене к изданию том его несобранных в сборники статей. Живущий в Берлине крупнейший немецкий знаток творчества Степуна К. Хуфен издал единственную книгу о мыслителе, настолько полную и глубокую, что до сих пор она служит компендиумом для всех пишущих о мыслителе***. Возможно, предисловие — не то место, где надо говорить такие вещи, но давно пора в России перевести и издать эту книгу.

Изучение творчества и жизни Степуна может доставить интерес и невероятными поворотами его судьбы, которые мало

* Kuhn H. Fedor Stepun // Stimmen der Zeit. Freiburg. 1965. № 8.

** Прежде всего надо назвать статьи и публикации А. А. Ермичёва, Р. Е. Гергилова (Гергеля), В. К. Кантора.

*** Hufen Ch. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884–1945. Berlin: Lukas Verlag, 2001.

удивляли в эпоху революций и войн, но сейчас кажутся будто нарочно придуманными как сюжет приключенческого фильма. Родившийся в России в немецкой обеспеченной семье (отец был директором бумажной фабрики), детство он провел в русской глубинке в Калужской области (город Кондрово), потом учился философии в Гейдельбергском университете (1903—1908), где ему преподавали великие немецкие философы начала XX века — В. Виндельбанд и Г. Риккерт. В 1910 г. защитил диссертацию по историософии Владимира Соловьева. По окончании университета Степун вместе с друзьями затеял издавать международный журнал по философии культуры. И, надо сказать, замысел решительных юнцов (при помощи Риккерта) удался. В 1910 г. выходит первый номер журнала «Логос», где во вступительной статье к номеру, да и ко всему изданию (его соавтором был Сергей Гессен, соученик по Гейдельбергу и соиздатель журнала), он обозначил свою принципиальную позицию, расходившуюся с современной ему российской мыслью: «Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая. Это доказывает не столько сама современная немецкая философия, сколько тот несомненный факт, что все современные оригинальные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток влияния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это наследство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными. А потому, лишь усвоив это наследство, сможем и мы уверенно пойти дальше»*. В журнале печатались Г. Зиммель, Г. Риккерт, Э. Гуссерль. Сам он писал о немецких романтиках — Фридрихе Шлегеле, Райнере Рильке. Это был период, когда Степун считал основной своей задачей усвоить русской философии немецкие идеи последних лет, полагая в этом фактор европеизации России. Сам Степун был типичный «русский европеец», как определяли мыслителя его соотечественники и немецкие друзья и коллеги (архиепископ Иоанн Сан-Францисский, ученик Степуна — профессор А. Штаммлер и др.).

* Степун Ф. А. Сочинения / вступительная статья, подготовка текста, примечания и библиография В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000. С. 798.

Вернувшись из Германии, пережив в Гейдельберге (начало XX века) временное разочарование в И. Канте, в России он снова возвращается к его философии, заявив в 1913 г. о необходимости для русской мысли школы Канта: «Если, с одной стороны, есть доля правды в том, что кантианством жить нельзя, то, с другой стороны, такая же правда и в том, что и без Канта жизнь невозможна (конечно, только в том случае, если мы согласимся с тем, что *жить* означает для философа не просто жить, но *жить мыслию*, то есть *мыслить*). Если верно то, что в кантианстве нет откровения, то ведь верно и то, что у Канта гениальная логическая совесть. А можно ли верить в откровение, которое в принципе отрицает совесть? Что же представляет собою совесть, как не *минимум откровения*? Рано или поздно, но жажда откровения, принципиально враждующая с совестью, должна неизбежно привести к откровенной логической бессовестности, т. е. к уничтожению всякой философии»*.

Надо сказать, это был явный период неприятия Канта в русской, особенно *православно* и в духе *российского марксизма* ориентированной философии. В «Философии свободы» (1911) ставший православным мыслителем бывший марксист Бердяев грубо недвусмыслен: «Гениальный образец чисто полицейской философии дал Кант»**. В. Ф. Эрн, отвечая на редакционно-программную статью «Логоса», прямо называл Канта высшим выразителем «меонизма»*** (т. е. тяги к небытию) западной мысли и культуры. Если для Степуна изучение Канта есть шаг к Откровению, то П. А. Флоренский вполне богословски-академически резко противопоставил Канта Богопознанию: «Вспомним тот “Столп Злобы Богопротивная”, на котором почивает антирелигиозная мысль нашего времени... Конечно,

* Степун Ф. А. Прошлое и будущее славянофильства // *Степун Ф. А. Сочинения* С. 834.

** Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 19.

*** «Ratio в своем последовательном завоевании европейской мысли приводит таким образом к пышному, яркому расцвету универсального *меонизма*. Этот расцветший в Беркли и Юме меонизм принципиально и окончательно закрепляется в трансцендентализме Канта» (*Эрн В. Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В. Ф. Сочинения*. М.: Правда, 1991. С. 77–78).

вы догадываетесь, что имеется в виду Кант»*. В конце концов не этатист Гегель, а отстаивавший самоцельность человеческой личности Кант был объявлен православной философией идеологом немецкого милитаризма (в статье В. Ф. Эрн «От Канта к Круппу»). Неслучайно В. И. Ленин, откровенный враг христианства, в начале века столь же категорически требовал («Материализм и эмпириокритицизм», 1909) «отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта»**. Современные продолжатели этой линии любят цитировать фразу из мемуаров Степуна***: «Легкость моего внутреннего отхода от Канта... объясняется, конечно, чужеродностью его философии всему моему душевному и умственному строю»****. Но выпускают при этом середину фразы: **«освоение которого я, однако, и поныне продолжаю считать необходимым условием серьезного изучения философии»******. Во вступлении к сборнику считаю необходимым уточнить данную цитату.

Но дальше неожиданный поворот биографии. Судьбу философского спора в каком-то смысле разрешила сама история. Начинается Первая мировая война (в народе именовавшаяся «германской»), и Степун уходит на германский фронт артиллеристом в чине прапорщика (об этом периоде повествует его замечательная книга «Из записок прапорщика-артиллериста»). Без громких слов «философ-неозападник» Степун ушел в действующую армию. Любовь к Канту не означала нелюбви к России. Зато антихристианин и неоязычник Ленин выступил за поражение России.

Война перерастает в Февральскую революцию, и Степун, бывший на стороне демократического Временного правительства, ездивший, рискуя жизнью, по окопам, агитируя солдат (чаще всего убивавших подобных офицеров-агитаторов), ста-

* Флоренский П. А. Разум и диалектика // *Флоренский П. А. Сочинения*: в 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 135.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 139.

*** См., например: *Соболев А. В.* Федор Степун: от кантианства к славянофильству // *Вестник РХГА*. 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 146. Эта же статья помещена в данном сборнике.

**** Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 117.

***** Там же.

новится начальником политуправления армии при военном министре знаменитом эсере Борисе Савинкове. Степун пишет публицистические статьи в военные газеты: о политическом воспитании армии, о необходимости твердой власти, об опасности большевизма.

После Октябрьской революции, избежав расстрела, Степун уезжает в бывшее имение жены — крестьянствовать (нечто подобное, как мы помним, описано в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»). Имевший в себе всегда артистическое начало, он открывает театр, где выступает как режиссер, а крестьяне окрестных деревень играют в нем как актеры. С 1919 г. по протекции Луначарского Степун становится руководителем Государственного показательного театра, выступая в качестве *режиссера, актера и театрального теоретика*. Этот опыт он, кстати, зафиксировал в книге «Основные проблемы театра» (Берлин, 1923). Но так уж видно было на роду ему написано — снова влезть в некую политическую акцию, произвольно, как жертва, но жертва невольно спровоцировавшая нападение на себя и себе подобных. Деятельность Степуна оказалась той первопричиной, что побудила Ленина задуматься о высылке на Запад российской духовной элиты.

Поводом для решения вождя послужила книга о О. Шпенглере, написанная четверьмя русскими мыслителями. Шпенглера же принес российской философской публике Степун. Впрочем, предоставим слово документам. Сначала воспоминания самого Степуна: «Дошли до нас слухи, что в Германии появилась замечательная книга никому раньше неизвестного философа Освальда Шпенглера, предсказывающая близкую гибель европейской культуры... Через некоторое время я неожиданно получил из Германии первый том “Заката Европы”. Бердяев предложил мне прочесть о нем доклад на публичном заседании Религиозно-философской академии... Прочитанный мной доклад собрал много публики и имел очень большой успех... Книга Шпенглера... с такою силою завладела умами образованного московского общества, что было решено выпустить специальный сборник посвященных ей статей. В сборнике приняли участие: Бердяев, Франк, Букшпанн и я. По духу сборник получился на редкость цельный. Ценя большую эрудицию новоявленного немецкого философа, его художественно-проникновенное описание культурных эпох и его пророческую тревогу за Европу, мы все согласно отрицали его биологически-законоверческий подход к историософским вопросам и его вытекающую из этого подхода мысль, будто бы каждая культура,

наподобие растительного организма, переживает свою весну, лето, осень и зиму»*.

Сборник, культуртрегерский по своему пафосу, вызвал неожиданную для их авторов реакцию вождя большевиков: «Т. Горбунов. О прилагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом. По-моему, это похоже на “литературное прикрытие белогвардейской организации”. Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет *секретно* (курсив мой. — В. К.), а книгу вернет. Ленин»**.

В мае 1922 г. в Уголовный кодекс по предложению Ленина вносится положение о «высылке за границу». В 2003 г. в журнале «Отечественные архивы» (№ 1. С. 65—96) была опубликована подборка материалов, из которой видно, насколько тщательно Политбюро и ВЧК готовили систему высылки и подбирали имена высылаемых, давая на каждого подробную характеристику. Так, в «Постановлении Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов» от 10 августа 1922 г. Степун, попавший в дополнительный список, характеризовался следующим образом: «7. Степун Федор Августович. Философ, мистически и эсеровски настроенный. В дни керенщины был нашим ярым, активным врагом, работая в газете правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] “Воля народа”. Керенский это отличал и сделал его своим политическим секретарем. Сейчас живет под Москвой в трудовой интеллигентской коммуне. За границей он чувствовал бы себя очень хорошо и в среде нашей эмиграции может оказаться очень вредным. Идеологически связан с Яковенко и Гессеном, бежавшими за границу, с которыми в свое время издавал “Логос”. Сотрудник издательства “Берег”. Характеристика дана литературной комиссией. Тов. Середя за высылку. Тт. Богданов и Семашко против»***. Замечательно понято, что в эмиграции он может оказаться серьезным противником. А чуть позже (23 августа) он

* Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 512—515.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 198.

*** «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. / публикацию подготовил А. Н. Артизов // Отечественные архивы. 2003. № 1.

оказался восьмым номером в «Списке не арестованных»*. Это выглядит еще страшнее, чем список арестованных. Человек живет, ходит, думает, а его дни уже расчислены. Ситуация трагического черного юмора тоталитарной эпохи. Как у Высоцкого: «Но свыше — с вышек — все предрешено: / Там у стрелков мы дергались в прицеле — / Умора просто, до чего смешно» («Был побег на *рывок*»). Важно отметить, что высылаемые страстно не хотели покидать Родину. По недавно опубликованым архивам ВЧК можно увидеть их однозначно негативное отношение к эмиграции.

Итак, из протокола допроса Ф. А. Степуна от 22 сентября 1922 г.: «К эмиграции отношусь отрицательно. И большая жена мне жена, но француз-доктору, который ее лечит, она никогда не жена. Эмиграция, не пережившая революцию дома, лишила себя возможности действительного участия в воссоздании духовной России»**. Большевики словно бы испугались на какой-то момент чуждых идей, еще сохраняя иллюзию, что сами победили силой идеи, хотя опирались на самом деле не на идею, а на разбухшие ими первобытные инстинкты масс, на разрешение «грабить награбленное». Вернемся, однако, к оценке чекистами «идеологического облика» Степуна. Заключение СО ГПУ в отношении Ф. А. Степуна от 30 сентября 1922 г.: «С момента октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности в моменты внешних затруднений для РСФСР»***. Так антишпенглеровский сборник совершенно иррациональным образом «вывез» его авторов, по словам Степуна, из «скифского пожара» в Европу.

Большевики выслали из России более пятисот человек: имена говорят сами за себя: Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин, Ф. А. Степун и др. Но, как писала газета «Правда»: «Среди высылаемых почти нет крупных научных имен. В большинстве это — политиканствующие элементы профессуры, которые гораздо больше известны сво-

* Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923 / вступ. ст., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова. М.: Русский путь, 2005. С. 110.

** Там же. С. 337.

*** Высылка вместо расстрела. С. 338.

ей принадлежностью к кадетской партии, чем своими научными заслугами»*. Эти имена ныне составляют гордость русской культуры. К сожалению, «мы ленивы и нелюбопытны» и события недавнего прошлого, о которых даже писали их участники, неточно передаются сегодняшними интерпретаторами. Иногда кажется, что умение читать осталось в XIX веке. Существует мифологическая парадигма, которая и тиражируется. До сих пор исследователи пишут, что Степун покинул Россию морем. Скажем, в книге известного историка русской философии мы можем прочитать, что Степун был выслан «из России с группой выдающихся ученых и философов на так называемом “философском пароходе” в 1922 г.»**. Красивый образ подменяет реальность. Между тем стоит открыть мемуары самого Степуна, чтобы прочитать совершенно другое: «День нашего отъезда был ветреный, сырой и мозглый. Поезд уходил под вечер. На мокрой платформе грустно горели два тусклых керосиновых фонаря. Перед неосвещенным еще вагоном второго класса уже стояли друзья и знакомые»***. Было два поездных состава, один, на котором ехал Степун, был отправлен в Ригу****, другой — в Берлин. Было и два парохода, шедшие из Петрограда в Штетин — «Обербургомистр Хакен» (среди прочих там находились Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Е. Трубецкой) и «Пруссия» (Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин и др.).

Интересно, что сами чекисты называли Октябрьскую революцию «октябрьским переворотом», но еще интереснее, как их обвинительный акт совпадает с доносом на Степуна в нацистской Германии. В 1926 г. он занял кафедру по социологии в Дрезденской высшей технической школе при содействии двух влиятельных друзей и коллег — Рихарда Кронера, профессора кафедры философии, и Пауля Тиллиха, профессора кафедры теологии, в письме из Фрайбурга поддержал его кандидату-

* Первое предостережение // Правда. 1922. 31 авг.

** Соболев А. В. Ф. А. Степун // Соболев А. В. О русской философии. СПб.: Мирь, 2008. С. 128.

*** Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетей, 2000. С. 626.

**** Вот слова самого Степуна: «Через три часа Рига. Подъезжаю к ней со страшным волнением и в очень сложных чувствах» (Степун Ф. А. Мысли о России. Очерк II // Степун Ф. А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. Вступ. статья, составление и комментарии В. К. Кантора. М.: Астрель, 2009. С. 262).

ру Эдмунд Гуссерль. Как и большевики, нацисты терпели его ровно 4 года, пока не увидели, что перековки в сознании профессора Степуна не происходит. В доносе 1937 г. говорилось, что он должен бы был переменить свои взгляды «на основании параграфов 4-го или 6-го известного закона 1933 г. о переориентации профессионального чиновничества. Эта переориентация не была им исполнена, хотя, прежде всего, должно было ожидать, что как профессор Степун определится по отношению к национал-социалистическому государству и построит правильно свою деятельность. Но Степун с тех пор не предпринял никакого серьезного усилия по позитивному отношению к национал-социализму. Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды национал-социализма, прежде всего по отношению как к целостности национал-социалистической идеи, так и к значению расового вопроса, точно так же и по отношению к еврейскому вопросу, в частности, важного для критики большевизма»*.

Они были изгнаны из России в Германию по договоренности с германским министерством иностранных дел, с которым у большевиков были тайные связи. Вряд ли изгнанники думали об этом, но они очень хотели передать свой невероятный для начала XX века духовный опыт приютившей их стране. Стоит привести слова, которыми С. Франк завершил свою книгу «Крушение кумиров»: «Великая мировая смута нашего времени совершается все же не даром, есть не мучительное топтание человечества на одном месте, не бессмысленное нагромождение бесцельных зверств, мерзостей и страданий. Это есть тяжкий путь чистилища, проходимый современным человечеством; и может быть, не будет самомнением вера, что мы, русские, побывавшие уже в глубинах ада, вкусившие, как никто, все горькие плоды поклонения мерзости Вавилонской, первыми пройдем через это чистилище и поможем и другим найти путь к духовному воскресенью»**.

Беда была в том, что никто не хотел их слушать.

* Treiber H. Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903–1955). Über Freundschaft- und Spätbürgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850–1950 / Hrsg. Hubert Treiber & Karol Sauerland. Opladen: Wesdeutscher Verlag GmbH, 1995. S. 98.

** Франк С. Л. Крушение кумиров // Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 180.

Эмиграция разделила жизнь и творчество Степуна практически на две равные половины (с 1884 по 1922 и с 1922 по 1965): на жизнь российского мыслителя, который мог выезжать за рубеж, путешествовать по миру, но чувствовать, что у него есть свой дом, и на жизнь российского мыслителя, изгнанного из дома, уже чувствовавшего не любовь и тепло родного очага, а, говоря словами Данте, то,

как горестен устам

Чужой ломоть, как трудно на чужбине

Сходить и восходить по ступеням.

(«Рай», XVII, 58–60)

Вторая половина его жизни была, по сути дела, посвящена осмысливанию того, что произошло и что он сам и его современники говорили и думали, в первую — доэмигрантскую — эпоху его жизни.

Если в России Степун выступал активным пропагандистом западноевропейской культуры, прежде всего немецкой философии, то изгнанный в Германию мыслитель, в годы, когда на России и русской культуре ставили крест, начинает проповедь русской культуры, ее высших достижений, объясняя Западу специфику и особенности России. Он понимал, что как России нельзя без Запада, так и Западу нельзя без России, что только вместе они составляют то сложное и противоречивое целое, которое называется Европой. Но видя в Германии поражавшее его советофильство, он очень трезво оценивал произошедшее с Россией. Как пишет один из лучших германских знатоков его творчества: «Степун интерпретировал русскую революцию как катастрофу народной веры, как пошедшую по неправильному пути религиозную энергию. Он опирается на Киркегора, который в 1848 г. обозначил коммунизм как религиозное движение будущего. Степун видел назначение своей социологии в создании теологии русской революции. Как антитезу большевизму, который несет в себе потенциал угрозы для Европы, формулирует Степун свое представление о демократии как “развивающейся модели цивилизованного общества”. Стабильность современного общества, по его убеждению, в меньшей степени зависела от экономики (это постулат либерализма и марксизма), но скорее от педагогического успеха демократии»*.

* Hufen Christian. Russe als Beruf // Stepun Fedor. Russische Demokratie als Projekt. Schriften im Exil 1924–1936. Berlin: Basisdruck Verlag, 2004. S. 277.

Вся его деятельность в Европе была направлена на разъяснение того, что такое Россия. В эмиграции Степун постоянный автор знаменитых «Современных записок», где публикует свои «Мысли о России», ведет там литературный раздел, поэтому находится в постоянной переписке практически со всеми известными деятелями культуры. Сохранилась его гигантская переписка с авторами журнала. Он дружит с Иваном Буниным, общается с Борисом Зайцевым. Бунин считал, что лучшие статьи о его творчестве написаны Степуном. В «Современных записках» в 1924 г. Степун публикует свой роман «Николай Переслегин» с подзаголовком «Философский роман в письмах» (отдельное издание — 1929 г.). Роман он называл художественным выражением своей концепции философии любви. Работает с фантастической энергией. В 1931 г. совместно с Г. П. Федотовым и И. И. Бунаковым-Фондаминским начинает издавать журнал «Новый Град», выразивший кредо русского европеизма, выросшего на христиански-демократических ценностях. Как писал В. С. Варшавский (русский эмигрант, автор весьма известной в эмиграции книги «Незамеченное поколение», на которую подробной статьей откликнулся Ф. А. Степун), для новоградцев принцип демократии — это правовое государство и автономная личность. Он так оценивал позицию этого журнала: «В этом сращении всех трех идей европейской культуры (т. е. христианства, либеральной демократии и социально-технического прогресса. — В. К.) “Новый Град” оставлял позади вековой междоусобный спор двух враждующих лагерей русской интеллигенции — западнического, в самом широком смысле, и славянофильского, в самом широком смысле. В развитии русской идеи это был важный шаг вперед»*.

Но в любимой русскими европейцами Европе наступал на демократию фашизм. В передовой статье первого номера «Нового Града» (1931) Федотов писал: «Уже репетируются грандиозные спектакли уничтожения городов газовыми и воздушными атаками. Народы вооружаются под убаюкивающие речи о мире дипломатов и филантропов. Все знают, что в будущей войне будут истребляться не армии, а народы. Женщины и дети теряют свою привилегию на жизнь. Разрушение материальных очагов и памятников культуры будет первою целью войны... Путешествие по мирной Европе стало труднее, чем в средние

* Варшавский В. С. Родословная большевизма. Paris: YMCA-Press, 1982. С. 164–165.

века. “Европейский концерт”, “республика ученых” и “*corpus christianum*” кажутся разрушенными до основания... В Европе насилие, — в России кровавый террор. В Европе покушения на свободу, — в России каторжная тюрьма для всех... Против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и ее свободы — прежде всего свободы духа*.

Русские европейцы, видевшие крах родившегося пять столетий назад в Возрождении христианского гуманизма, чувствовавшие надвигающееся новое Средневековье, вполне отдававшие себе отчет в неподлинности, игровом характере Серебряного века, который двусмысленно именовали «русским Возрождением», но который привел к тоталитарному срыву**, пытались найти идеологию, чтобы сызнова пробудить пафос подлинно всеевропейского Возрождения. Задача по-своему грандиозная. Но решать ее приходилось в ужасе войны и гибели людей, в зареве пожаров от горевших домов и книг, в очевидной перенасыщенности интеллектуального пространства смыслами, которым уже никто не верил. Они попали в ситуацию, как называл ее Степун, «никем почти не осознаваемой *метафизической инфляции*» (курсив Ф. А. Степуна. — В. К.)***. В 1934 г. уже после прихода нацистов к власти в год своего пятидесятилетия он издал в Швейцарии книгу «Лик России и лицо революции», в которой снова пытается осознать причины исторического падения России в «преисподнюю небытия», в которую следом за ней рухнули и европейские страны. Потом был перерыв почти в 15 лет, когда снова стали выходить его книги. Так что этот небольшой трактат можно считать в какой-то мере подведением итогов.

В книге он словно продолжает беседу со своим ближайшим другом дрезденских лет, великим теологом Паулем Тиллихом,

* Федотов Г. П. Новый Град // Федотов Г. П. Россия, Европа и мы. Paris. YMCA-PRESS, 1973. С. 136, 137, 139.

** См. об этом: Кантор В. К. Артистическая эпоха и ее последствия (По страницам Федора Степуна) // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 124–166 (на нем. языке: Die artistische Epoche und ihre Folgen. Gedanken beim Lesen von Fedor Stepun // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. Heft 2. Köln: Bohlau Verlag GmbH & Cie, 2005. S. 11–38). А также в кн. Кантор В. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историко-софские очерки. М., РОСПЭН. 1997. С. 416–467.

*** Степун Ф. Путь творческой революции // Степун Ф. А. Сочинения. С. 430.

который в своей работе 1926 г. «Демоническое» писал о специфике демонических стихий, которые могут вести к творчеству (как в эпоху Возрождения), а могут и к тотальному разрушению (в своем сатанинском обличье). Будучи убежденным рационалистом, тем не менее как философ Тиллих понимал, что если существует «рациональное», то по закону диалектики существует и его антиномия — «иррациональное», с которым он боролся. И, как он писал, в эпохи повышенного социально-религиозного брожения: «демоническое так сближается с сатанинским, что вся его творческая потенция исчезает»*. Книга Степуна о России, но тема та же — почему там победило демонически-сатанинское начало. Он пишет: «Привычная религиозная позиция была еще во всем ощутима, но все же сильнее было отрицание традиционного содержания. Время было религиозное и антихристианское одновременно, оно было в полном смысле слова демоническим**». Из самого себя русское крестьянство эту демонию родить не могло. Но с Достоевского ясно, что замешанные в русскую революцию демоны не чужие и не анонимные силы»***. Тиллих назвал одним из самых опасных демонов XX века — демона национализма. Демоны и впрямь были свои!

В сущности, книга Степуна была посвящена анализу того, как Ленин («современник Распутина, и отнюдь не святой, но злой демон»****) и большевики прочитали Маркса в духе языческого национализма, превратив европейскую теорию в сугубо русское учение, показывая историко-философские предпосылки такого прочтения западных теорий. Здесь хотя бы вскользь стоит коснуться бытующий ныне легенды, что, попав на Запад, Степун отказался от прежних идей о необходимости пропустить славянофильство через кантовскую логику, более того, сам стал славянофилом. Разумеется, Степун жил русской культурой, говорил о значении славянофильства для русской мысли, но это

* Tillich Paul. Das Dämonische. Ein Beitrag zur Sinndeutung der Geschichte (1926) // Tillich Paul. Ausgewählte Texte. В., N. Y. : Walter de Gruyter, 2008. S. 142.

** В примечаниях к этой фразе есть прямое указание на статью Тиллиха о демоническом. См.: Stepun Fedor. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern/Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934. S. 20. С. 99.

*** Ibid. S. 20.

**** Ibid. S. 50.

недостаточное основание относить его к славянофилам, с которыми полемизировал еще Владимир Соловьев, его духовный предшественник*. В своей рубежной книге Степун показывает, как из славянофильства вырастают идеи деспотизма. Он пишет о «развитии славянофильского христианства к языческому национализму»**. И поясняет: «Последователи первых славянофилов оказываются неверны их духу христианского гуманизма и универсализма, подштукаривают христианством националистическую реакцию и заканчивают прославлением Ивана Грозного (который злодейски приказал задушить Московского митрополита) как идеала христианского государя»***.

Степун и его друзья по эмиграции все свои силы направляли на то, чтобы фашизирующаяся Европа вернулась к своим базовым христианским ценностям, иными словами говоря, быть может, немножко торжественно, но точно, думали *спасти Европу*. Не случайно одна из эмигрантских писательниц, знавшая Степуна, именно в этом регистре его и воспринимала: «Что заставляло меня верить, что Европа, вопреки всему, что случилось, жидетса на камне?» И ответ поразителен: «Там был Ф. А. Степун. Монолит, магнит, маяк. Атлас, державший на своих плечах две культуры — русскую и западноевропейскую, посредником между которыми он всю свою жизнь и был. Пока есть такой Атлас, Европа не сгинет, устоит»****.

Европа не устояла. Особенно сложно стало положение Степуна, когда к власти пришли зеркальные двойники большевиков — нацисты во главе с антиевропеистом Гитлером. Степун в 1937 г. был лишен профессорской кафедры. По счастью, его не расстреляли, не посадили в лагерь — просто выгнали на ули-

* В своей последней статье «Нация и национализм» (1965) Степун, уже старчески примирительный, говоря о «славянофильской критике Запада» лучших представителей этого течения, замечал, что «при всей своей теоретической резкости она у названных философов и политиков никогда не превращалась в заносчивое отрицание Запада», ибо они провозглашали «Россию не противницей, а преемницей Запада» (Степун Ф. А. Сочинения. С. 943).

** Stepun Fedor. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. S. 28.

*** Ibid.

**** Жиглевич Е. На путях эмигрантских. Безмолвные встречи со Степуном // Степун Ф. Встречи и размышления. L.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 30–31.

цу. С 1926 г. у него немецкое гражданство. А даже нацисты к немецкой профессуре в 1930-е годы еще относились чрезвычайно почтительно. Но ему запрещено печататься за рубежом. А он был постоянным автором «Современных записок», «Нового града». Для человека активного, участника социально-культурных и политических дискуссий должна была наступить асфиксия.

В Дрездене существовало в 1930-е годы Общество Владимира Соловьева, которое возглавлял князь Алексей Дмитриевич Оболенский (автор первой российской конституции — Манифеста 1905 г., обер-прокурор Синода, инициатор прихода во власть П. А. Столыпина, друг Степуна и его земляк по Калужской губернии). Стоит привести отрывок из его уже мюнхенского письма к дочери князя А. А. Оболенской, в котором он рассказывает о своем общении с Алексеем Дмитриевичем: «Мы с Наташей часто вспоминаем Вашего незабвенного отца. Он частенько заезжал к нам на велосипеде, уютно, со вкусом ужинал и постоянно горел духовными вопросами. От него осталось впечатление чего-то очень своего. В его образе и во всем его душевно-духовном складе к нам в Дрезден заходила та Россия, с которой с годами все крепче чувствуешь себя связанным»*. Детали быта, которые не придумаете. При этом добавим, что общество проводило свои заседания в подвале Дрезденского православного храма Святого Симеона Дивногорца, где А. Д. Оболенский был старостой церковной общины. До сих пор существуют споры, когда это Общество Владимира Соловьева было основано, не являлось ли оно продолжением подобных российских структур. Мне посчастливилось в Дрезденской церкви с помощью настоятеля, отца Георгия Давыдова, прочитать «Постановления приходского собрания Дрезденской церкви за 1930 г.», где в записи от 2 февраля было принято решение (в присутствии членов общины С. В. Рахманинова, Ф. А. Степуна и др.) о слиянии «студенческого» кружка и «кружка изучения Слова Божия» в «кружок Русской культуры». В постановлении написано: «Судьба этого кружка обеспечена участием в нем таких деятелей, как князь А. Д. Оболенский (создатель его), профессор Ф. А. Степун, супругов Г. Г. и М. М. Кульман,

* Берлинский архив А. Н. фон Герсдорфф, переписка А. А. Оболенской фон Герсдорфф и Ф. А. Степуна.

Н. Д. Скалон»*. Позднее этот кружок (не без влияния Степуна) стал именоваться Обществом Владимира Соловьева. После смерти князя Оболенского в 1933 г. председателем Общества стал Степун. Тема русского европейца Владимира Соловьева, его образ с первой книги о его историософии сопровождал Степуна всю жизнь**. Донос на мыслителя 1937 г. указывал на его постоянную критику национал-социализма и особо, что «его близость к русскости (Russentum) выясняется из того, что он русифицировал свое исходно немецкое имя Фридрих Степпун, получил русское гражданство и в исполнение соответствующих гражданских обязанностей сражался в русском войске против Германии, а также женился на русской. Будучи немецким чиновником (профессором. — В. К.) он и далее подчеркивал свою связь с русскостью и в дрезденской русской эмигрантской колонии играл выдающуюся роль главным образом как председатель Общества Владимира Соловьева»***. Степун дружил с семьей Оболенских, а с Дмитрием Алексеевичем был еще и коллегой (сохранилась их переписка). В начале 1940-х гг. князь Д. А. Оболенский был арестован гестапо и скончался в концлагере. Сохранилась небольшая переписка Степуна с Д. А. Оболенским, а с его сестрой, замечательной художницей Анной Алексеевной Оболенской фон Герсдорфф, в конце его

* Постановления приходского собрания Дрезденской церкви с 1930 по 1939 г. Архив Дрезденской православной церкви Св. Симеона Дивногольца.

** Правда, как он пишет в мемуарах, в его гейдельбергский период у него «произошло охлаждение к Владимиру Соловьеву, по крайней мере к его аскетической этике... К рационалистической системе Соловьева, глубоко чуждой его пророческому духу и его лирике... Развенчание Соловьева произошло во мне не без влияния Розанова» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. С. 111). Но как показал дальнейший его жизненный путь, к Соловьеву он вернулся, считая его началом подлинного пути русского философствования, в своей последней итоговой книге (*Mystische Weltanschauung. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block.* München: Carl Hanser Verlag, 1964), пятая часть текста которой посвящена анализу философии Владимира Соловьева, портрет которого (единственного из русских философов) висел в его кабинете до самой смерти. Да, кстати, стоит сравнить количество ссылок Степуна по именному указателю самого полного тома его сочинений на тексты Соловьева (более 80) и на Розанова (4). В молодости для творческих людей характерны низвержения кумиров, к которым человек потом на новом этапе, с другим интеллектуальным багажом, возвращается навсегда.

*** Treiber Hubert. Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903–1955). S. 99.

жизни в Мюнхене, был длительный эпистолярный роман. Исследовательница ее творчества называет их отношения «нежной дружбой»*. Думаю, что опубликованный посмертно (1965) лирический рассказ Степуна «Ревность» навеян этими отношениями. Но вернемся в Дрезден.

Степун был уволен с мизерным выходным пособием и крошечным пенсионом. С 1937 г. он вел сравнительно свободную жизнь, пытаясь, правда, постоянно подрабатывать лекциями. Но это, в силу его опального положения, удавалось ему не часто. На постоянный приработок рассчитывать не приходилось. Получалось, что самое время — подвести итоги прожитой жизни, уйдя из повседневной суеты. Когда-то отставленный от политики Николо Макиавелли написал в уединении два своих великих политико-философских трактата, а переставший быть лорд-канцлером Френсис Бэкон за последние годы жизни создал свою философскую систему, положившую начало новой европейской философии. Можно привести и другие примеры. Чего стоит изгнание Пушкина в деревню, где он, несмотря на страхи друзей, что поэт «запыет горькую» (Вяземский), возмужал и окреп духовно и поэтически! А для писания мемуаров важно не только время, но и пространство, которое часто в судьбе человека играет роль времени. Отрезанный от России Герцен, будучи в общем-то еще совсем нестарым человеком, начал писать свои удивительные воспоминания. У Степуна сошлось все: время, пространство, жизненная ситуация**. В мае

* Малинина Т. А. А. Оболенская фон Герсдорфф и ее творчество. СПб.: Центр искусств «Авит», 2002. С. 9.

** Стоит, быть может, отметить то обстоятельство, что его обращение к истории было безусловным желанием противостоять откровенному антиисторизму тоталитарных режимов. Причем антиисторизму, который считал каждый свой шаг — историческим. Его коллега по дрезденскому институту Виктор Клемперер очень рельефно написал эту особенность нацизма: «Нацизм... настолько был убежден в долговечности своих учреждений... что любая мелочь с ним связанная, любой пустяк, его касавшийся, приобретали историческое значение. Всякая речь фюрера, пусть даже он в сотый раз повторяет одно и то же, — это историческая речь, любая встреча фюрера с дуче, пусть даже она ничего не меняет в текущей ситуации, — это историческая встреча. ...Любой праздник урожая — исторический, как и любой партийный съезд, любой праздник любого сорта; а поскольку в Третьей империи существуют только праздники... то Третья империя все свои дни считала историческими» (Клемперер В. ЛП. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 63). Для отечественного читателя нет нужды

1938 г. Степун писал своим друзьям в Швейцарию из Дрездена: «Мы живем хорошо и внутренне сосредоточенною жизнью. Приезжавший к нам отец Иоанн Шаховской упорно под-сказывал мне мысль, что это Бог послал мне времена тишины и молчания, дабы обременить меня долгом высказать то, что мне высказать надлежит и не разбрасываться по всем направлениям в лекциях и статьях. Часто мне хочется думать, что он прав и что мне действительно надо сейчас как можно больше работать в ожидании нового периода жизни. Я затеял большую и очень сложную работу литературного порядка и очень счастлив, что живу сейчас в своем прошлом и скорее в искусстве, чем в науке»*. Книга получалась и впрямь необычной, возможно, он рассказал, о чем он пишет, о. Иоанну, который вполне мог оценить замысел.

Надо сказать, что о. Иоанн Шаховской (в будущем архиепископ Иоанн Сан-Францисский) был в этот момент настоятелем берлинского православного Свято-Владимирского храма, а также благочинным всех приходов в Германии. К этому стоит добавить, что один из последних учеников Лицея, он был сам поэт, издававший в начале 1920-х годов художественно-философский журнал «Благонамеренный» (с ориентацией на романтическую иронию), весьма глубокий богослов, незаурядный публицист и настоящий пастырь. Он сделал то, что только и мог сделать: поддержал духовную работу творческого человека.

И уже в октябре 1938 г. Степун в письме тем же друзьям уже четко очерчивает свой замысел и невольно проводит явственную параллель с другими великими русскими мемуарами XIX века: «У нас стоит осень, — не такая прекрасная и прозрачная, как тогда в Селиньи, но все же “живописно краснеет, желтеет и облетает листва кленов, осин и каштанов”. Для меня осень всегда наиболее творческая пора. Эту же осень я как-то особенно радостно ежедневно сижу за письменным столом своей комнаты. Работаю над первую часть моей книги, которая представляет собою попытку в форме своеобразной автобиографии нарисовать образ нашей с Вами, Мария Михайловна, России. За первой частью воспоминаний должна последовать

напоминать об историческом значении каждого очередного партсъезда в нашей стране.

* Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

вторая часть раздумий и третья — чаяний. Думаю, лет на 5—6 мне работы хватит»*. Как видим, в этих словах очевидная параллель, по замыслу, с гигантской мемуарной эпопеей Герцена «Былое и думы». У Степуна — *воспоминания, раздумья, чаяния*. Не говорю уж о явном намеке на пушкинскую осень: «Для меня осень всегда наиболее творческая пора».

«Былое и думы» Герцен писал примерно десять лет, «целые годы», по его собственным словам. Но самое интересное, на что стоит обратить внимание в этом сопоставлении, это, во-первых, неоднократное обращение мемуаристов в предыдущей своей деятельности к *исповедально-автобиографической теме*. Это ранние повести Герцена, это «Из писем прапорщика-артиллериста» и философско-автобиографический роман «Николай Переслегин» у Степуна. Во-вторых, оба были мыслители, философы и одновременно незаурядные писатели. Причем именно в мемуарной прозе это слияние обоих свойств их таланта дало наиболее яркий результат. В-третьих, их мемуары писались в эмиграции, чтобы напомнить и рассказать миру не только о себе, но о судьбе России. Это слияние двух тем — личной и общественной — поразительно. И, наконец, не забудем немецкое происхождение обоих, их воспитание на немецкой философии, перешедшее в страстную любовь ко всему русскому. Серьезное отличие было, пожалуй, в том, что Степун не писал об эмигрантской жизни. Считают (Кристиан Хуфен**), что Степуна останавливал страх за родственников, остававшихся в Советской России. Но, видимо, дело было в другом. Он так много и резко писал о большевиках и советской власти, что рассказ об эмиграции ничего не прибавил бы к его репутации в глазах ЧК. Но мне кажется, что он писал о первой трети XX века, поскольку (это одна из основных его проблем) пытался понять *причины*, перевернувшие XX в., когда, как он утверждал, произошла победа «идеократии» над «интересократией», а демократические лидеры и теоретики спасовали перед демоническими и магическими обращениями к толпе тоталитарных идеологов.

Степун действительно выжил чудом. Имел все предпосылки погибнуть от нацистов, но не погиб. В день, когда англичане

* Там же.

** См.: Hufen Christian. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884—1945. Berlin: Lukas Verlag, 2001.

свирепо разбомбили Дрезден, не щадя мирных жителей, дом Степуна был полностью уничтожен, там погибли его архивы и годами собиравшаяся им библиотека. Но он и его жена в эти дни были за городом — и уцелели. Катастрофа была серьезная, но «любимец Фортуны», как иногда называли Степуна, в эти годы писал свой шедевр — мемуары, рукопись была с ним и тоже уцелела. Но одновременно с этой страшной бомбардировкой стало понятно, что война подходит к концу, а вместе с ней и нацизм.

В конце 1940-х годов жизнь Степуна и его жены по-прежнему не устоявшаяся. Но у кого она тогда была устоявшейся? Степун много ездит по городам с лекциями и докладами о России. При этом он читает лекции и пишет статьи по-немецки и по-русски. Он был абсолютным билингвой. И его немецкий язык был столь же легок и непринужден, как и русский.

Его позиция была оценена в новой Германии. Он переезжает в Мюнхен, получив приглашение занять кафедру истории русской духовности, специально для него созданную. Там он и живет до конца своих дней. По возрасту согласно немецким законам он не имеет права занимать кафедру. Но университетское руководство обходит это препятствие, дав Степуну должность «гонорарпрофессора» — Honorarprofessor (Hon. Prof.) — почетного профессора университета*.

В течение трех лет выходят три тома его мемуаров на немецком языке «Прошедшее и непреходящее», авторизованный перевод с русского (Vergangenes und Unvergängliches. Bd. 1–3. München: Verlag Josef Kösel, 1947–1950). Книга была издана в карманном формате на довольно скверной бумаге, мелким шрифтом, с маленькими пробелами между строками. Как было сказано на обороте титула: книга издается под информационным контролем военного правительства (имелось в виду американское военное присутствие, жестко контролировавшее в те годы всю печатную продукцию). Но уже первое издание имело тираж 5000 экземпляров. Для послевоенного времени это много. И сразу же пошли дополнительные тиражи. Россия весьма интересовала в те годы немцев. А это были, пожалуй, лучшие мемуары о России — мыслителя и писателя. Но он очень хотел увидеть свою книгу на русском языке, писалась-то она для России и русских. Оказалось к тому много

* Im Oktober 1946 wurde er an der Ludwig-Maximilians Universität München Honorarprofessor für russische Geistesgeschichte.

препятствий. Ревнивые «друзья» не пускали его в европейские издательства, мотивируя тем, что книга уже опубликована на немецком языке. Удалось опубликовать ее с большим трудом в США в сокращенном варианте — в двух томах (Бывшее и несбывшееся. N. Y.: Изд-во им. Чехова, 1956)*. Сокращение вызвало и изменение названия, на чем настаивали и американские издатели. На мой взгляд, первый вариант точнее. Полный трехтомный вариант хранится в библиотеке Байнеке Йельского университета (США) и ждет еще своего исследователя и денег, чтобы можно было бы наконец издать этот шедевр русской философско-художественной мемуаристики.

Казалось бы, Фортуна снова улыбнулась ему. Однако до начала 1950-х гг. его не покидает страх. Причем страх, который он обсуждает в письмах со многими корреспондентами. Это страх, что советские войска займут и Западную Германию. В этом случае он был бы безусловно обречен, в этом Степун не сомневается. Возникают идеи эмиграции в США. Однако оккупационные власти не помогают ему, поскольку он не может предъявить доноса на него, что подтвердило бы его преследование со стороны нацистского правительства. Он полон страха и отчаяния. Стоит привести его письмо 1948 г., адресованное архимандриту Иоанну (Шаховскому), уже натурализовавшемуся в США: «В Вашем последнем письме Вы писали мне, что если бы я мог найти какие-нибудь тропочки, чтобы перебраться из Германии в Америку, то было бы правильно перебираться. По причине моего довольства здешней моей жизнью, по какой-то усталости и жажде окончательной формы жизни, я до сих пор как-то отстранял от себя мысль о переезде за океан. Но тучи уж очень грозно собираются на горизонте. В душу невольно закрадывается тревога, и с каждым днем все определеннее чувствую себя сидящим на стуле с подпиленной ножкой. Так созрело во мне решение попытаться при случае перебраться в новый мир... Простите, что обременяю Вас заботами о себе. Делаю это только потому, что уж очень не хочу попасться в лапы соотечественников. Если бы я был уверен, что они не захватят Германии, я бы не бежал из нее. Не смерть страшна, а

* О перипетиях и сложностях этого пробывания мемуаров в печать см. мою статью: Кантор В. Как издают шедевры. О публикации русского варианта мемуаров Ф. Степуна «Бывшее и несбывшееся». Письма Федора Степуна в издательство им. Чехова / вступительная статья, публикация и комментарии В. Кантора // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 278–319.

советское издевательство и полная незащитность перед охмившимся современным чертом. Слухи, идущие из Сов. Зоны, совершенно ужасны, и люди бегут оттуда, бросая все и рискуя жизнью. Самое страшное, что там есть, это полная незащитность человека от абсолютного произвола. Завтрашний день не таит в себе никакой уверенности, что он будет повторением вчерашнего»*.

Но уже из его писем начала 1950-х гг. видно, что он вновь обрел уверенность и жизненную устойчивость. Об этом он писал 1952 г. Борису Вышеславцеву, по совету которого он когда-то поехал в Гейдельберг: «Что сказать о себе? Как и все, мы все потеряли в Дрездене. Если что и жалко, то только русскую библиотеку, которая мне сейчас была бы особенно нужна, так как я получил в Мюнхене профессию по истории русской культуры (Russische Geistesgeschichte)**». О том, что он снова востребован (а это важно для любого человека), он сообщает Анне Алексеевне Оболенской (письмо от 22 августа 1952 г.), с которой был предельно откровенен: «По окончании войны, мне была предложена ординарная профессура по социологии в новом университете, основанном французами в Майнце. Мне не захотелось туда ехать, да и не очень влекла социология, я сразу же решил сосредоточиться на России, чтобы объединить все свои интересы и сконцентрировать свою работу. План мой удался, и я получил профессию по лично для меня созданной кафедре, “Историю Русской культуры”. Дело оказалось рискованным, но оно удалось. У меня очень много слушателей — человек 200, а то и 250 и есть интересные докторанты: два Иезуита, из которых один пишет работу о философии свободы Бердяева, а другой о пяти новых, найденных в Москве письмах Чаадаева. Несколько времени тому назад у меня хорошо кончила студентка из советской России, написавши работу о “Мещанстве, как категории русской социологии” (Герцен, Константин Леонтьев, Достоевский). Недурную работу написал галицийский украинец на тему “Гоголь и Юнг-Шиллинг”. Последний докторант

* Columbia University Libraries. Bakhmeteff Archive. Ms Coll Fedotov. Stepun, Fedor Avgustovich. To Vladuka Ioann. Письмо машинописное с рукописными вставками.

** Columbia University Libraries. Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Box 1. Stepun, Fedor Avgustovich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev.

подал работу о философии Льва 6-го*. Как-никак через меня проходят каждый год от восьмисот до тысячи студентов, в сознании которых все западает чувство важности русской темы. Кроме как в университете я читаю довольно много публичных лекций в разных культурных обществах и народных школах. Довольно много также и пишу по разным журналам**. Из этого письма уже видно, что Германия, наконец, оценила своего великого сына, дарившего Германии Россию. Ибо он был в такой же степени и немецким философом, как и русским. По воспоминаниям его учеников, популярность Степуна и впрямь была невероятной, порой после лекции его несли до дома на руках. Кабинет его квартиры был местом, где он проводил семинарские занятия, сидя под портретом Владимира Соловьева, который ему удалось сохранить с дрезденских времен.

Если говорить о наиболее, быть может, популярной среди немцев книге Степуна («Большевизм и христианская экзистенция»), которая вышла на немецком в конце 1950-х гг., но как бы суммировала его прежние идеи, то она им, похоже, задумывалась как утверждение своих мыслей о России в Германии***. И его ожидания оправдались. Немецкие критики вычленили сразу важнейшую тему мыслителя: «Принадлежит Россия к Европе или к Азии? Вопрос, которому Степун придает такое большое значение, считая, что защита Европы от советского коммунизма возможна только при условии, что на Россию будут смотреть не как на азиатский аванпост в Европе, а как на европейский в Азии»****. Автор рецензии на книгу покорен и самой личностью Степуна, он «связывает представление о яркой индивидуальности с именем семидесятипятилетнего автора, возглавляющего кафедру истории русской духовности в мюнхенском университете»*****.

* Секретарь Степуна так поняла имя философа Льва Шестова.

** Берлинский архив А. Н. фон Герсдорфф. Переписка А. А. Оболенской фон Герсдорфф и Ф. А. Степуна.

*** Первое издание книги на немецком языке вышло в 1959 г.: *Der Bolschewismus und die christliche Existenz*. Munchen: Kosel Verlag, 1959. Успех книги способствовал выходу второго издания в 1962 г.

**** Rainer Carl. Rußland — asiatischer Vorposten in Europa? // *Der Tagesspiegel*. 1959. 13 Mai.

***** Ibid.

Стоит привести слова об этой книге русского религиозного деятеля и близкого знакомого Степуна — Л. А. Зандера: «Христианин, ученый, художник, политический деятель, борец за правду — все эти стихии Ф. А. Степуна слиты воедино в его книге о большевизме и христианской жизни. К сожалению, она вышла только по-немецки, и только несколько ее глав были напечатаны в русских повременных изданиях... На первый взгляд кажется, что его книга состоит из независимых один от другого этюдов. Более вдумчивое отношение к ней показывает однако единство замысла и внутреннюю связь затронутых автором вопросов. Это единство в значительной мере определяется самочувствием и самосознанием автора: 1) как русского европейца, 2) как христианина, 3) как ответственного за свои слова и выводы ученого»*. Книга представила читателям усталого, умудренного, но верного своим выстраданным идеям мыслителя.

Эта книга своими идеями еще раз подтвердила его право на пребывание среди избранных умов Европы. Такое избранничество решается не прижизненной сумасшедшей славой (политической или шоу-мейкерской), а сложным переплетением культурных и исторических потребностей, которые сохраняют подлинные, экзистенциально пережитые идеи. И мыслителю, быть может, достаточно, что он произнес свое Слово.

Восьмидесятилетний юбилей Степуна был фантастическим. Сотни писем, поздравлений, чествования в разных учреждениях Мюнхена, статьи в газетах. В юбилейной речи другой знаменитый русский мыслитель-изгнанник Д. И. Чижевский сказал: «К концу войны враждебный Степуноу огненный элемент превратил в развалины его город — Дрезден. Степун спасся почти случайно — во время одной поездки ему после небольшого “несчастливого случая”, оказавшегося счастливым, не удалось вернуться домой в Дрезден. Потом возвращаться оказалось некуда! И поток жизни вынес его в любящий искусство город на берег Изара, где мы празднуем его 80-летний юбилей»**.

Незадолго до смерти на немецком вышла книга Степуна, над которой он работал практически всю свою жизнь: о выдающихся русских мыслителях — поэтах Серебряного века (*Mystische Weltanschauung. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew,*

* Зандер Л. О Ф. А. Степуне и о некоторых его книгах // Мосты. 1963. № 10. С. 334.

** Чижевский Д. И. Речь о Степуне // Степун Ф. Встречи. М.: Аграф, 1998. С. 250.

Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. Munchen: Carl Hanser Verlag, 1964. 442 s.). В ней сохранился смысл и пафос российского Серебряного века, о котором он рассказал миру и последним представителем которого был сам.

Через год, в 1965 г., он скончался, умер легко. Говорят, что легкая смерть дается хорошему человеку, человеку, прожившему трудную жизнь. В траурном извещении, разосланном его сестрой друзьям и коллегам покойного, говорилось: «23 февраля 1965 нас навсегда неожиданно оставил **проф. др. Федор Степун**, родившийся 19 февраля 1884 в Москве. От лица его родственников и друзей — МАРГА СТЕПУН. Погребение: пятница 26 февраля 1965 в 13.00 на Северном кладбище (Nordfriedhof). Мы просим венки посылать прямо на Северное кладбище»*.

И снова некрологи, обширные статьи в газетах и журналах. Приведем отклик на его смерть соотечественника-эмигранта: «Те, что будут сейчас и потом писать о Федоре Августовиче, расскажут о многом в нем и историю всей его жизни; он нес, и в старости своей твердо и величаво, творческий блеск русского Серебряного Века. И выйдя из сего века, как Самсон, он ворочал его колонны и нес их чрез толщу германской современной интеллектуальной жизни, являя в Германии последние звуки этого века. Его эпоха — богатая и, может быть, слишком расточительная... Общественник, социолог, философ, неутомимый лектор высокого стиля, он был более социально-лирическим, чем политическим выражением “русского европейца”, несшего в себе и Россию, и Европу, чтобы говорить России и Европе о “Новом Граде”, о том обществе и устройстве социальном, в котором живет правда, и где курочка могла бы вариться в горшке всякого человека, и сквозь всю культуру мира и всяческое человеческое общение проступало, просвечивало настоящее добро, несущее Божий Свет и Вечность... Он был от плеяды тех верующих русских мыслителей первой половины этого века, которых зарядила на всю жизнь светлой верой в Бога и действием этой веры мысль Владимира Соловьева»**.

* Архив университетской библиотеки г. Айхштетт. NL. 46, I. Л. 147. К сожалению, сохранилось только место его могилы, на котором захоронен теперь совсем другой человек, поскольку по местным законам могила, не поддерживаемая финансово, передается или продается другим владельцам.

** Архиепископ Иоанн С. Ф. (Сан-Францисский). Русский звездопад (Памяти Федора Степуна) // Русская мысль. 1965. 8 апр. С. 4.

А также одну из посмертных оценок его деятельности немецким коллегой: «Кто был знаком со Степуном, понимал уже при первом с ним столкновении, что он не мог предаваться ни бесплодной страдальческой тоске изгнанника, ни горечи политической тщеты... Поскольку, хотя он и любил Россию, у нас он был у себя дома. Не только потому, что отец его был немцем по происхождению, не только потому, что годы учения он провел в Гейдельберге под руководством Виндельбанда, — это было очевидно. Волевым актом он из своей собственной ситуации как из некоей модели сделал историософские выводы и отправился на поиски Европы, в которой Восток и Запад находятся в одном ранге и в сущности должны быть представлены как однородные части Европы, где Россия была форпостом против Азии, а не азиатским клином, вбитым в Европу»*.

На стене дома, где жил Sttgey, по улице Ainmillerstrasse, 30, установлена в 2004 г. мемориальная доска, на которой слова: «Федор Степун. 1884—1965. Социолог, писатель, много сделавший для проникновения русской культуры в Германию, — жил в этом доме с 1952 г.». Рядом, на доме № 34, есть мемориальная доска Р. М. Рильке. Надо сказать, что мемориальная доска в 2009 г. была установлена и в России (при активном участии А. А. Кара-Мурзы, В. К. Кантора и В. В. Корзун) в Кондрово, городе его детства. На доске надпись: «В этом доме с 1887 по 1894 г. жил Федор Августович Степун, выдающийся русский философ, писатель, профессор, большую часть жизни проведший в вынужденной эмиграции, идейный борец с тоталитаризмом». Степун остался в Германии, которую он так любил, за которую болел всем сердцем, но дух его, его тексты вернулись в не менее, если не более им любимую Россию. Его называли «мостом между Россией и Германией». Поразительное явление: русский, ставший знаменитым немецким мыслителем, и немец, оставшийся великим русским философом. И все это один человек — Федор Степун.

* * *

В сборнике по возможности представлены не только разные оценки Степуна, но и прочтение его наследия с самых разных точек зрения: и как философа, и как мемуариста, и как политического публициста, и как религиозного мыслителя, и как

* Polkuch Valentin. Die Finsternis will nicht weichen. Fedor Stepun zum Gedenken // Die Welt. 1965. 26 Feb. S. 3.

аналитика Серебряного века, и, наконец, как одного из крупнейших знатоков русской литературы. В том вошли также тексты, представляющие своего рода «архив эпохи», в которую укладывался Степун, мыслитель и писатель. Остались неохваченными его работы о театре и кино, и его деятельность как писателя. Между тем это весьма серьезный вызов современным исследователям.

Разумеется, пока что география пишущих о нем — это прежде всего Россия и Германия — те страны, которым он отдал свою жизнь, о которых размышлял, где жил, страдал и мыслил. Но надо думать, что еще через некоторое время мы увидим работы о нем, написанные и на других европейских языках.

* * *

Составитель хочет выразить признательность европейской стипендии Эразмуса, в рамках программы которой он мог работать над этим томом в Дрезденском техническом университете (Германия) с 01.04.2011 по 30.09.2011 г.

В. К. Кантор